КРОКОДИЛ

№ 10 АПРЕЛЬ — ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“ — МОСКВА 1936 — ЦЕНА 40 коп.

100 ЛЕТ „РЕВИЗОРА“

Рис. К. Ротова

„ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗ‘ЕЗД“ В 1936 ГОДУ

100 ЛЕТ „РЕВИЗОРА"

А ГДЕ ГЕРОИ?

Мы предприняли с большой осторожностью и чутким подходом попытку проследить за дальнейшей судьбой героев гениальной гоголевской комедии и, главное, за их тенденциями проскользнуть в сегодняшнюю жизнь. Результаты этой тонкой, лабораторного характера исследовательской работы читатель и найдет ниже.

Сквозник-Дмухановский Антон Антонович, бывший городничий. В 1917 году покинул свой пост под влиянием группы неизвестных людей, поджегших полицейский участок. Добежав в платке и кацавейке унтерофицерши Ивановой до квартиры уездного лекаря Гибнера, пытался в комнате около чулана осознать события, но махнул рукой и перешел на общественную деятельность, в силу чего и был выдвинут правыми эсерами на выборную должность председателя городской думы. Гонимый предчувствиями, весной 1918 года сменил выборную должность на платную у бывшего адмирала Колчака, по заведыванию в походном министерстве внутренних дел подотделом порки пригородных крестьян. Уличенный в краже двух кобыл сивой масти, а также ввиду некоторых неудач верховного правителя Сибири избрал местом жительства Болгарию, куда и прибыл на португальском пассажирском пароходе в качестве младшего кока. Ныне по причине потери бойкости и идеалов служит дьяконом в одной из южноболгарских церквей и негласным осведомителем греческой разведки на поштучной оплате.

Анна Андреевна, жена его, ныне покойная. Умерла в 1927 году от огорчения, на почве ликвидации частного заведения по выработке шипучих вод.

Марья Антоновна, дочь его. После целого ряда превратностей судьбы устроилась благополучно, выйдя замуж за ответственного работника. Ныне широко пользуется автомобилем своего супруга, скупает на аукционах и в комиссионных магазинах чашки и тарелки с великокняжескими гербами, признала метро как достижение.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училища. Хотя и с некоторыми оговорками, признал в дачный сезон 1931 года советскую власть и как специалист был поставлен местным наркомпросом преподавателем истории в одну из школ. В порыве отмежевания от собственного тяжелого прошлого отменил исторических лиц, города, годы и связь между событиями, разделив в строгом порядке всю историю на главы: а) возрождений, б) расцветов и в) упадка, — чем очень впоследствии сильно озадачил учащихся, их родителей и блистающее начальство. Ныне с преподавания снят, перешел на индивидуальное огородничество и выращивает для районной сельскохозяйственной выставки редкий вид коричневой репы.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, бывший судья. Пытался войти в коллегию правозаступников, но не вошел. Ныне служит управдомом и передает юридические познания массам: ежедневно привлекает к суду жильцов персонально и поквартирно за невзнос платы за воду, за порчу окраски водосточных труб, а также за пенье после одиннадцати часов на черной лестнице. Снабжает два нарсуда в соседних районах квартирными делами до полного отказа.

Артемий Филиппович Земляника, бывший попечитель богоугодных заведений. Пробовал использовать прежний административный стаж на профсоюзной работе в области социального обеспечения, и был поощряем ближайшим начальством, успел раздать цикл пенсий бывшим архимандритам, губернаторам и купцам первой гильдии, но был изгнан, случайно разоблаченный как бывший человек. Ныне сам хлопочет о пенсии как лицо, пострадавшее за убеждения.

Иван Кузьмич Шпекин, бывший почмейстер, Устроился по прежней профессии, но перековался на работе и чужих писем не читает. А также задерживает их не читая. В свободное от обеденного перерыва время путает текст телеграмм и адреса на заказных отправлениях. На незаказных тоже.

П. И. Добчинский и П. И. Бобчинский после переквалификации с мастеров шипучего дела сменили две разных фамилии на одну общую, под коей и пытались поступить на государственную службу в качестве чего-нибудь, но, будучи лишены трудовых навыков, перешли на постоянную деятельность в правление жилтовариществ и занимаются распределением квартир. Были неоднократно осуждены печатью и общественностью, но до сих пор живут в силу бойкости и ответственности друг перед другом, а также перед родными и знакомыми.

Иван Александрович Хлестаков постоянной службы не имеет. Иногда служит для сравнений, коими пользуются фельетонисты при документальном перечислении мелких жульничеств на периферии. Пробовал и сам свое перо при составлении ведомственных отчетов, но большого успеха не имел.

Осип, слуга его. До 1932 года владелец мелкой торговли с рук на правом углу Арбатского базара, возле будки, где не продавали пироги. После ликвидации его предприятия ближайшим постовым милиционером занялся перепродажей среди гражданского населения дефицитных патефонных иголок, духов «Коти» собственного розлива, а также выделывает надому восточные сладости впредь до открытия специального госмагазина.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь, тот самый, который произносил один только звук, похожий сразу на две буквы. Пользуясь тем, что произнесение неясного звука до некоторого времени заменяло ему недостаточную идеологию, занимал ряд постов. Будучи обличен в незаготовке самых недорогих и популярных лекарств, пытался отделаться тем же популярным звуком, похожим на «е» и на «и», но был быстро разоблачен и изгнан. Ныне живет на переферии и удивляется, почему появились лекарства. Других занятий не имеет.

Свистунов, Пуговицын, Держиморда, бывшие полицейские. Обнаружены при паспортизации и осуждены без прав на возвращение в сегодняшнюю действительность.

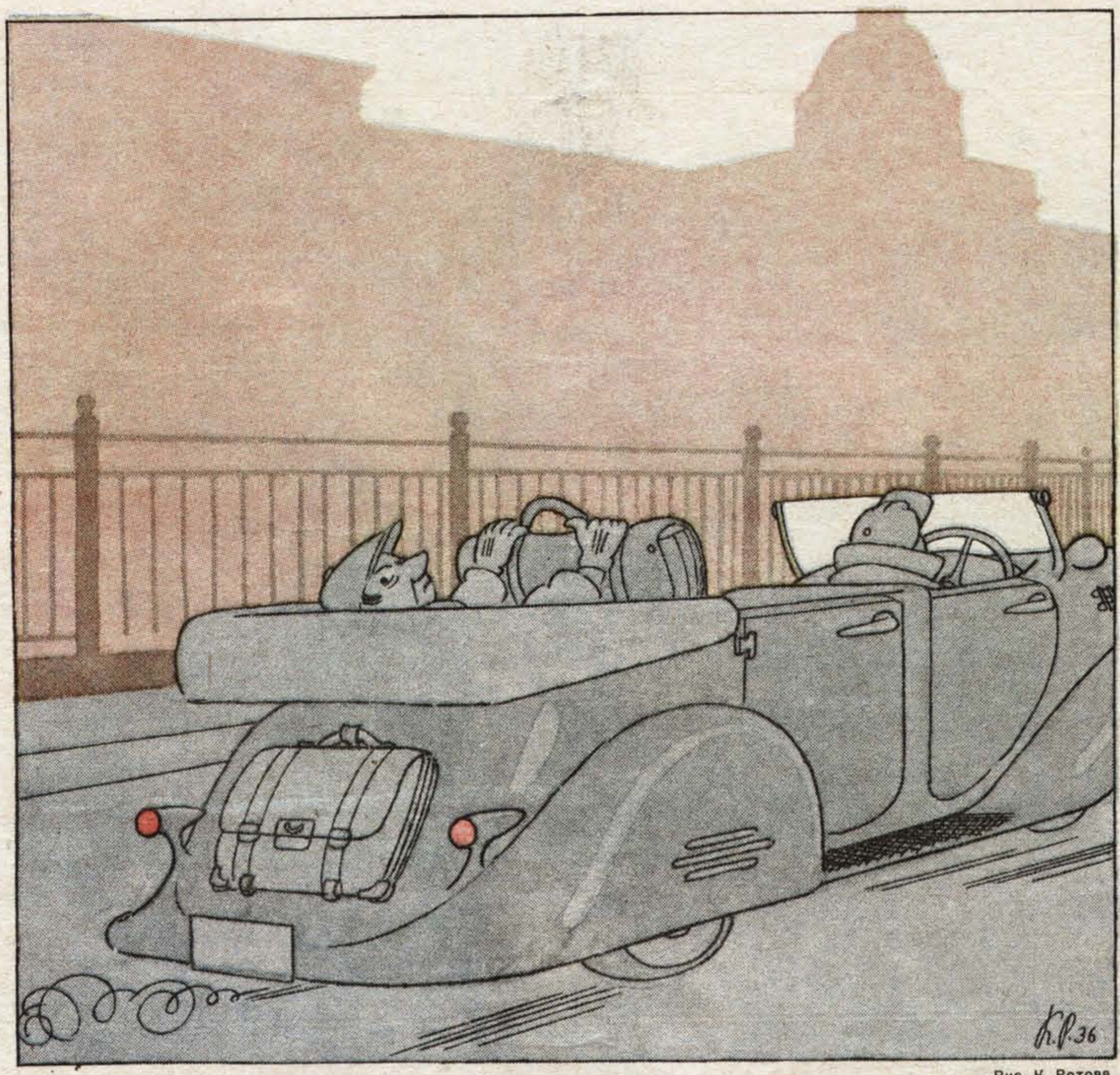

Рис. К. Ротова

ВЕРНЫЙ ЗАВЕТАМ

„ ... — Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так. А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать.“

(„Ревизор“. Действие III. Явление VI).

УЧАСТКОВЫЙ ЛЯПКИН-ТЯПКИН

Углубишься иной раз в судебное решение — а! только рукой махнешь. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Сочини ты этакую абракадабру в другом каком-нибудь ведомстве, так небось комиссия за комиссией прикатят в тот же день и в разных повременных изданиях газетчики такие статейки настрочат, что только держись. И пошла писать, и пошла...

То ли дело суд, особливо участковый, особливо шестого участка в славном городе Ростове на Дону! По правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует.

В самом деле, кто зайдет в этот суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад.

Ну вот еще, скажет кое-кто, этак всякий может навести мораль. Ты мне, душенька, документ подай.

Пожалуйста. Вот документик.

РЕШЕНИЕ.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 3-го ноября 1935 года Народный суд 6-го участка г. Ростова н/Д Азово-Черноморского края.

В составе: председательствующего — Киселев, народных заседателей — Светличный и Колонтаев при секретаре — Мелкумовой,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску ДорОРС'а — судебным следствием установлено, что Маргариновым заводом было обнаружено, ДорОРС'у — маргарин 18293 килгр., но при получении оказалось на 120 клгрм за счет, ли усушки, тары или недостачи маргарина, а по сему суд считает иск вполне согласно 2-го пункта лок. договора не обоснован, а по сему руководствуясь ст. 174—176 ГПК Решил: В иске ДорОРС'а—Юж. Ур. ж. д. к Маргариновому заводу о взыскании 420 руб. 06 к. отказать срок обжалования в Край суд 10 дней.

Секретарь (подпись).

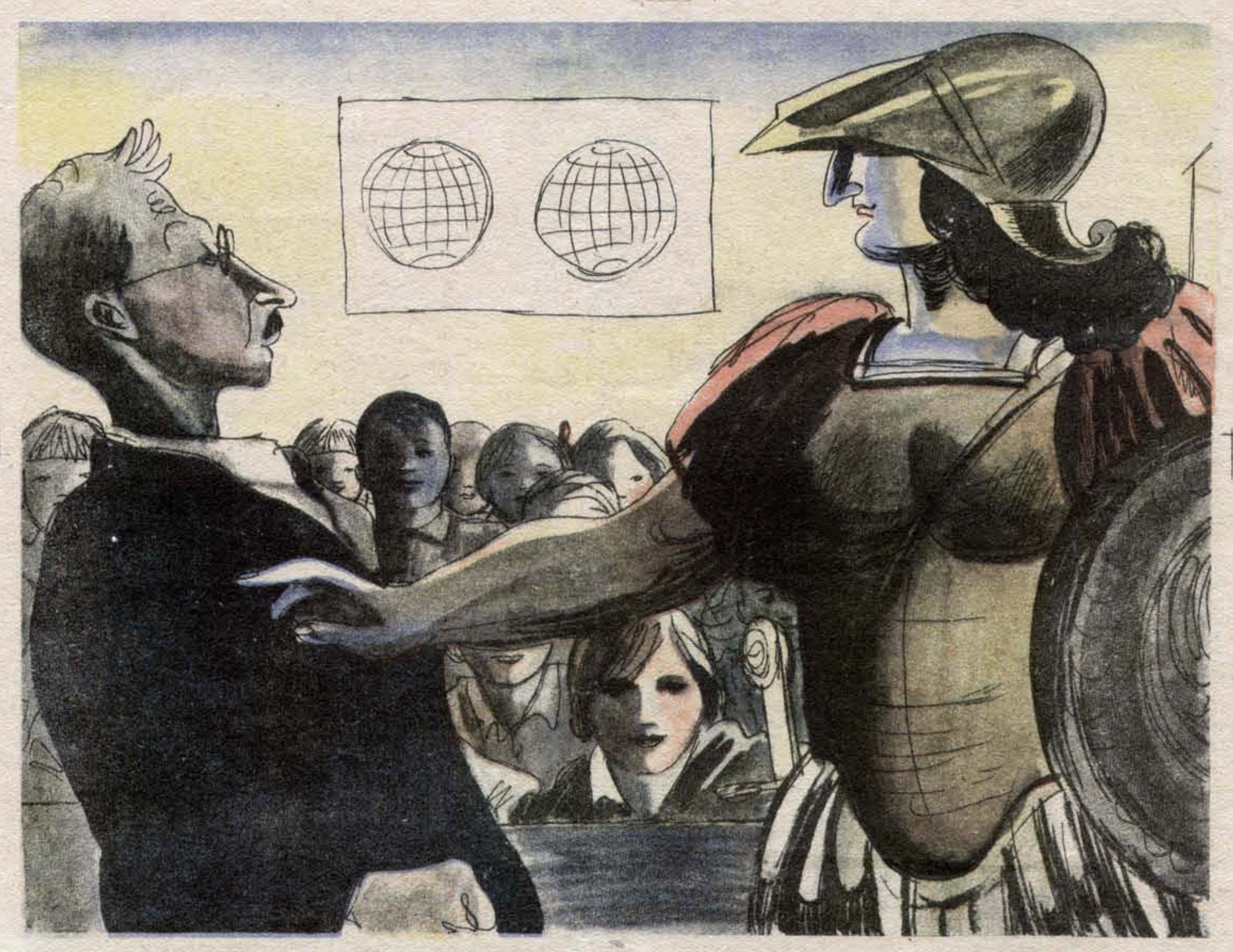
Тут бы в самую пору запросить у председательствовавшего Киселева раз'яснения, как мол и в каком смысле эту абракадабру понимать, а затем, в случае чего, обжаловать. Тем более, указан срок обжалования.

Куда там. Срок обжалования давно прошел. Решение вынесли 3 ноября 1935 года, а прислали истцу 22 марта сего года. Вот ты тут и апеллируй.

Нет уж лучше пускай ростовские начальники заинтересуются: а кто у нас в шестом участке судьей? И, узнав фамилию, пусть потребуют:

— А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Киселев и явится.

ТРЕВОГА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Рис. Л. Бродаты

—Я не прошу вас ломать стулья на уроке, как это делал ваш гоголевский коллега, но совсем ничего обо мне не сказать школьникам—это уж слишком!

ПРОДОЛЖАЕМ НАШУ ПРОГРАММУ

Бобчинский. Добрый вечер! Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Добрый вечер, граждане! Неожиданное известие!

Бобчинский. Какая сегодня симпатичная публика!

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в Мосгорэстраду...

Бобчинский *(перебивая)*. Приходим с Петром Ивановичем в Мосгорэстраду...

Добчинский. Э, позвольте же, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте, уж я... позвольте, позвольте... вы уж и квалификации такой не имеете.

Добчинский. А вы собьетесь на халтуру.

Бобчинский. А вы начнете рассказывать старые анекдоты. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте!

Добчинский. Добрый вечер, граждане! Какая сегодня симпатичная публика!

Бобчинский. Вы уже это говорили, Петр Иванович!

Добчинский. Я это говорю, Петр Иванович, тридцать лет.

Бобчинский. Позвольте, позвольте, я все попорядку. Уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович.

Добчинский. Итак, продолжаем нашу программу...

Бобчинский. Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте, вы не расскажете, ей богу, не расскажете: вы пришепетываете, у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом. Так вот заходим мы в Мосгорэстраду. Выходит к нам молодой человек...

Добчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономик... поступки и здесь *(вертит рукою около лба)* много, много всего.

Добчинский. Итак, продолжаем нашу программу...

Бобчинский. Вы уже это говорили, Петр Иванович.

Добчинский. Я это говорю, Петр Иванович, тридцать лет.

Бобчинский. Не перебивайте, Петр Иванович. Так вот, выходит молодой человек в партикулярном платье и говорит: «Надо, товарищи, бороться против эстрадной халтуры». Такой наблюдательный, такой осмотрительный! Меня так и проняло страхом. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал «Э!». Еще в 1914 году, когда я выступал в Полтаве, я всегда говорил «Э!».

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал... «Э!» сказали мы с Петром Ивановичем. Это же поход против эстрады...

Добчинский. Сегодня — против халтуры, а завтра попросят поднять качество. Да-с!

Бобчинский. А потом этот молодой человек в партикулярном платье и говорит нам, то есть мне и Петру Ивановичу: «Отныне вы будете конферировать не водиночку, а вдвоем. Может, так смешнее получится. Водиночку наши конферансье не справляются». Мы с Петром Ивановичем и подумали: «Надо попробовать. Тем более что уже ранее делались опыты работать напару, и получалось довольно смешно. Например Малинин и Буренин, Мюр и Мерилиз». Но тут же Петр Иванович спрашивает меня...

Добчинский. Да-с! Совершенно правильно.

Бобчинский. Так вот Петр Иванович и спрашивает меня: «А как же Громов и Милич?» Но, не желая обидеть коллег, я уклонился от прямого ответа.

Добчинский. Да-с! Совершенно правильно.

Бобчинский. Итак, будем работать здвоем.

Добчинский. Продолжаем нашу программу. Какая у нас сегодня симпатичная публика!

Бобчинский. Мы надеемся, что вы не оставите без внимания то...

Добчинский. То, что мы предложим вашему вниманию, чтобы...

Бобчинский. Чтобы привлечь ваше внимание к номеру...

Добчинский. К номеру, достойному внимания.

Бобчинский. Какая у нас сегодня симпатичная публика! Но почему никто не смеется? Неужели опять несмешно? Я уж двадцать три года кормлю публику этой остротой и ничего...

Добчинский. Ни разу не били.

Бобчинский *(в публику, девушке с биноклем)*. Очень рад. Вы разглядываете меня в бинокль. Представляю, какая панорама!

Добчинский. Ха-ха! Вы меня опять смешите, Петр Иванович. Граждане, куда вы? Если бы вы знали, какая на улице погода, вы бы не спешили уходить.

Бобчинский. Ха-ха! Вы меня опять смешите, Петр Иванович. Итак, продолжаем нашу программу. Первый номер нашей программы предназначен специально для радиолюбителей: танец умирающего лебедя в исполнении...

Добчинский. Опять не смеются...

Бобчинский. Почему не смеетесь? А? *(Печальным голосом)*. В нашем доме живет одна восьмидесятилетняя неработоспособная старушка. Большая охотница до эстрады. «Люблю,—говорит,—ходить на эстрадные концерты. Они мне напоминают далекие годы моей молодости. Все эти танцы, романсы и конферансы,—говорит она,—я слышала, когда мне было осьмнадцать лет». Для такой бабушки и работать приятно. А вы стали слишком требовательны, граждане из зрительного зала. Нельзя так. Недавно один конферансье сказал со сцены новую остроту, так дежурный по пожарной части до того испугался — с непривычки! — что поднял тревогу. Публика кинулась из зала, началась давка. А назавтра с этим конферансье его товарищи по эстраде перестали здороваться: выскочка, карьерист, лезет со свежими остротами...

Добчинский. Итак, продолжаем нашу программу...

Бобчинский. Какая у нас сегодня замечательная публика!

Г. РЫКЛИН

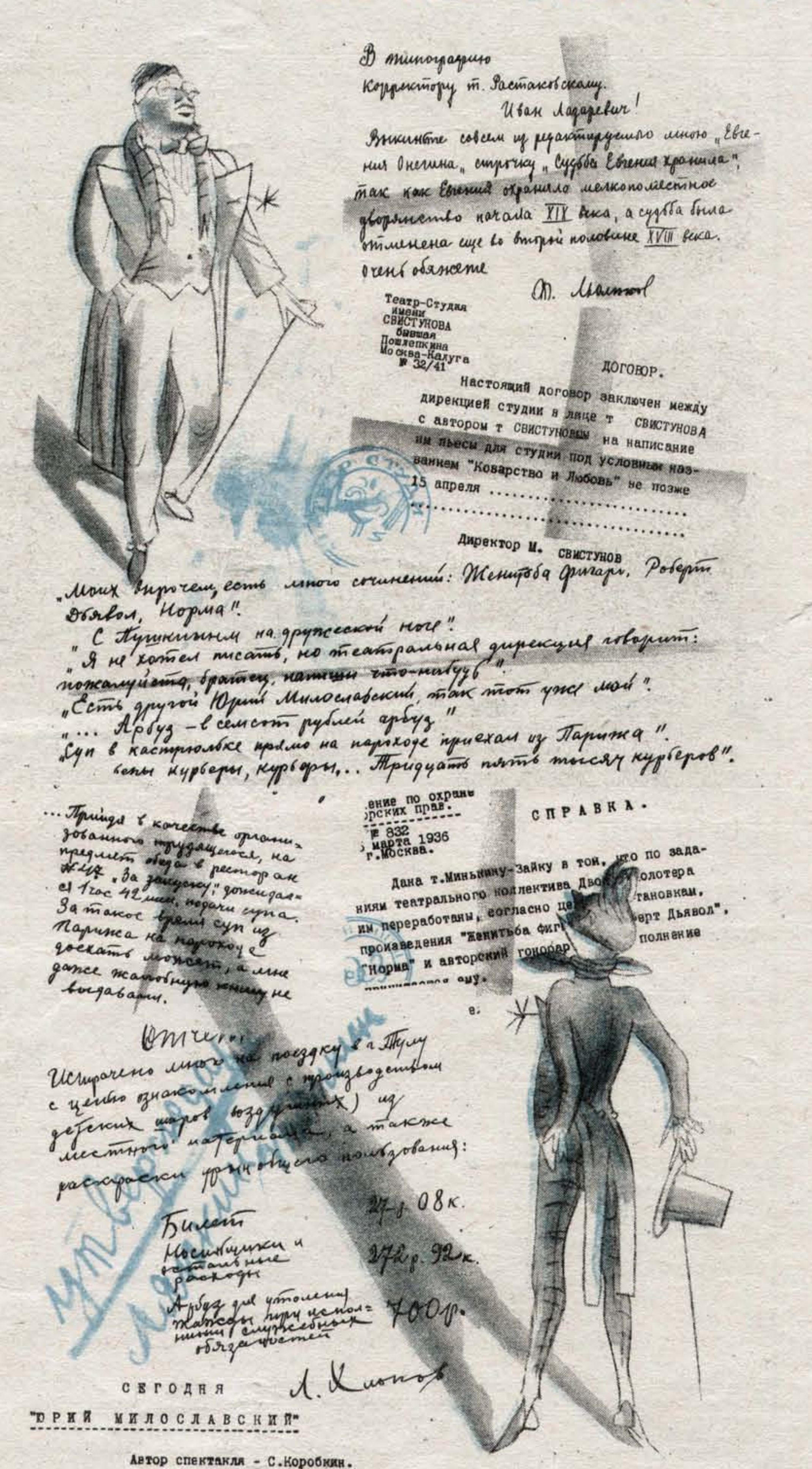

Рис. Л. Сойфертиса

ПЕРЕКЛИЧКА ХЛЕСТАКОВЫХ

— Удивляюсь вам, Иван Александрович... Ну, врали—но зачем же вы это делали без документов, раз их так легко достать!

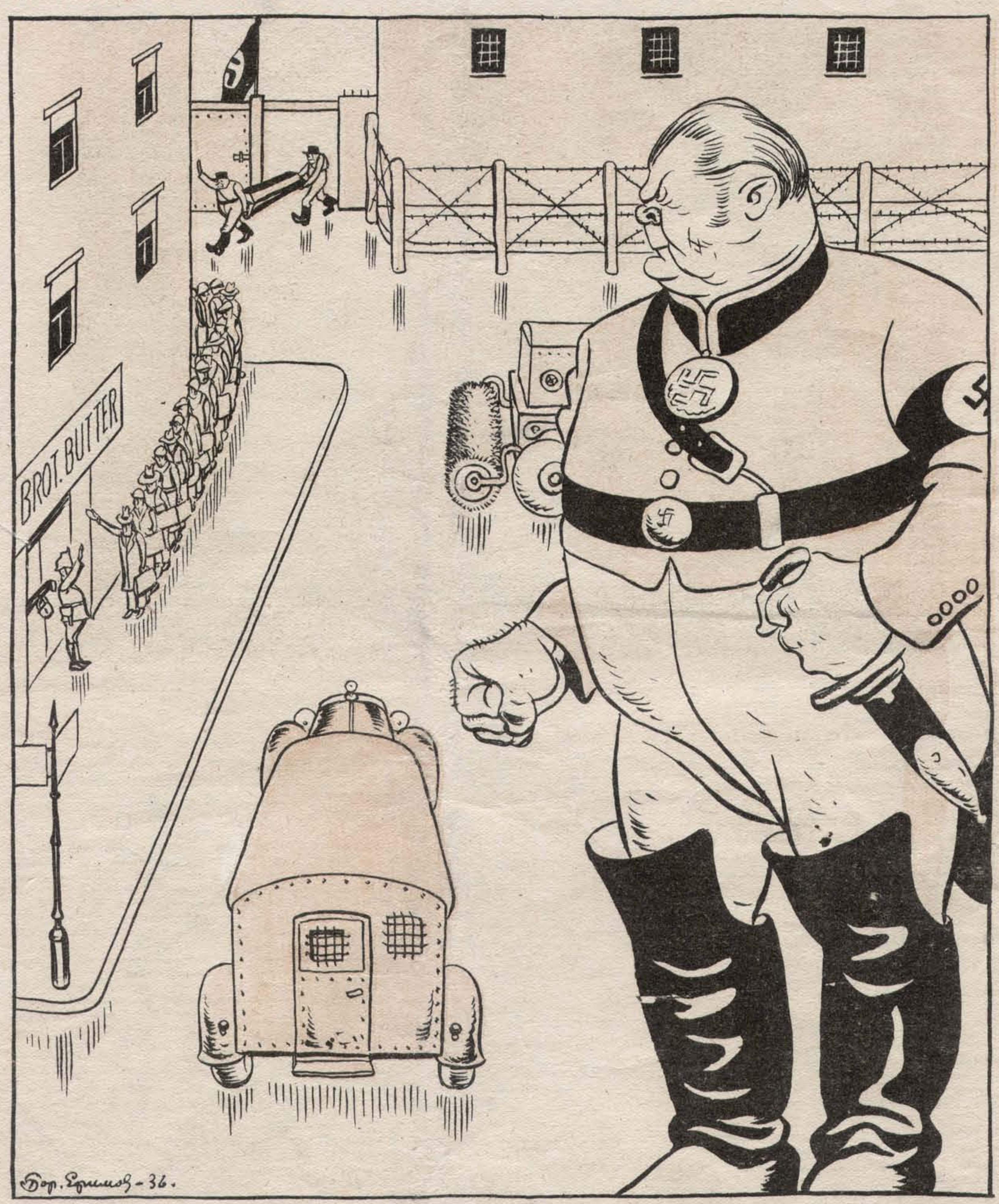

Рис. Бор. Ефимова

В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ

„...В городе во всем порядок: улицы выметены, арестанты хорошо содержатся..."

(„Ревизор". Действие III. Явление V)

НА РЕПЕТИЦИИ В ЗАВОДСКОМ КЛУБЕ

Рис. Б. Клинча

— Надо бы проверить его производственные показатели—уж очень он здорово Хлестакова играет.

„ГАЛАНТЕРЕЙНОЕ, ЧОРТ ВОЗЬМИ, ОБРАЩЕНИЕ!

Это восклицание хлестаковского Осипа просто не может быть не использовано как самый подходящий заголовок к такой афише смоленского Дома искусств, выпущенной по поводу вечера-маскарада в день 8 марта:

Ты родился под знаком Сатурна. Это счастливая звезда. В твоем гороскопе: 10 несчастливых звезд и 16 счастливых. Ночь под 8 марта решит твою участь. Будь настойчив, смел, решителен, изобретателен и ты добьешься успеха!	В твоей жизни тебе предстоит дальняя дорога. Помни: ты родился под знаком Сатурна. Счастье твое в твоих руках! ВХОД ТОЛЬКО В МАСКАХ!

Надеемся, что ночь под 8 марта на этот раз решила не столько участь посетителей Дома искусств, сколько его руководителей. Пусть теперь жалуются Сатурну, только вряд ли это поможет...

ОШИБКИ, КОТОРЫМИ НЕ УЧАТ

«Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность?» — говорит Артемий Филиппович Земляника.

И правильно говорит, если намекает на заведующего игринской школой (Граховского района, УАССР) Иванова, который бестрепетно и продуманно скрепил своей подписью следующее торжественное обещание двух педагогов вверенной ему школы:

> «Впредь никогда не напиваться допьяна и тем исправить допущенную ошибку с нашей стороны».

Конечно, на ошибках тоже можно кое-чему научиться, но учить других такими ошибками, как появление перед учениками и родителями в пьяном виде, вряд ли возможно.

ЗАПОЗДАЛОЕ УБОЖЕСТВО

Сердце красавицы, как томно утверждают оперные тенора, склонно к измене и перемене. Повидимому, участь сердца красавицы разделяет и наружность гоголевского Хлестакова. Во всяком случае, в Новгороде руководитель гортеатра Турек-Далин выпустил на сцену рыжего и толстого Хлестакова вопреки скромной и настойчивой просьбе Н. В. Гоголя считать Хлестакова молодым человеком лет двадцати трех, тоненьким и худеньким.

Не повезло в Новгороде и купцам из «Ревизора», которые появляются ввиде монахов, очевидно, вскрывая что-то недосказанное Гоголем. Такое же экстренное раскрытие гоголевских замыслов легко и беззаботно проводит и актер, играющий Осипа: в заключительной картине он появляется ввиде жандарма.

То, что идейно руководитель театра Турек-Далин так интерпретирует немую сцену, — очень печально. Но то, что ему в Новгороде поручена настоящая сцена, с живыми актерами, щедро расходуемыми на порчу классиков, — еще печальнее.

ДРУГИЕ КРЫСЫ

Скажите пожалуйста, какая тонкая натура была у Сквозник-Дмухановского! И крыс-то приснилось всего-навсего две штуки. И вели себя тихо-благородно. Пришли, понюхали и организованно пошли прочь. К тому же и приключилась-то вся эта история во сне и совершенно бесплатно. А уж городничий-то как разволновался! Сразу видать, не бывал Антон Антоныч в киевском первом Облгоскинотресте. Не та у него закалка. В Первом облгоскинотеатре только выключат свет и начинается сеанс, изо всех пор вылезает превеликое множество крыс и озабоченно шныряет по всему залу по их злободневным крысиным запросам. Крысы пищат, женщины, насмерть перепуганные, визжат, кавалеры ругаются. А администрация придет, понюхает и уйдет прочь, как ни в чем не бывало.

Трудно в этом кино картины смотреть, дорогие граждане.

Из Москвы на юг ехал двадцатисемилетний мужчина. Одет он был в сиреневый костюм. На носу у мужчины были очки. Держал он себя с достоинством и даже немного свысока. Но ехал он на курорт, и потому в глазах у него было некоторое легкомыслие. Сначала он оглядел соседей. «Счетные работники»,— подумал он и пренебрежительно зевнул. Он вышел в коридор. Рассеянный взгляд его остановился на молодой девушке.

— На юг? — безотносительно спросил он. Она кивнула головой, и он пожаловался на то, что не достал места в прямом вагоне до Сочи и придется ночевать в Харькове. Оказалось, что у девушки та же история. Как бы мимоходом он уронил несколько ценных замечаний о литературе, спорте и театре. Научные вопросы тоже не остались вне поля зрения. Девушка прислушалась. Она заинтересовалась его профессией. Он загадочно усмехнулся. Он как бы предоставил девушке угадать, кто бы мог быть ее спутник. Обедали вместе на станции, затем мужчина ушел к себе, достал блокнот и карандаш и стал сочинять письмо:

«Дорогой Женя, короче — Джим... Еду, как граф. Жалею, что ты не собрался. Ты, видимо, свой в доску парень, насколько я понял из нашего короткого знакомства. Итак, еду, как граф. Одна досада — в Харькове надо менять поезд. Пассажиры — вареные судаки. Есть одна девчонка-чертежница. Но, видать, круглая дура...»

Однако в вагоне трясло, и писать было трудно. Мужчина отложил письмо и чуть подремал, а проснувшись, пошел искать свою спутницу. Она сидела у окошка. Мужчина небрежно подложил ей руку под локоть, но девушка резко отодвинулась.

— Почему? — спросил мужчина, изображая удивление.

— Потому,— ответила девушка.— Я этого не люблю.

— Вы замужем? — спросил мужчина.

— Нет.

И тут мужчина развил перед ней свои несложные взгляды на жизнь: жизнь, мол, коротка, и мы, дескать, не монахи, и современная советская девушка не должна быть мещанкой. Лично он предпочитает свободу, он ведет большую умственную работу и очень одинок. Он вторично попытался обнять девушку, и опять это не удалось.

Спустя некоторое время он продолжал письмо Джиму: «Моя Мурка (я всех их зову Мурками), оказывается, с норовом. На грубый номер не идет. Жаль, нет под рукой музыки. Танцы сближают. Я ей загнул насчет одиночества — мой коронный номер. А в общем, чувствую себя превосходно: молод, красив, еду на курорт. Пойду охаживать мою чертежницу...»

— Неужто, спать? — спросил мужчина у девушки.— У меня бессоница. Давайте поговорим про любовь. «Это двух соловьев поединок», как сказал поэт. Хотите, я вам расскажу про мою первую любовь?

— Бросьте! — сказала девушка.— Нет ли у вас с собой книжки?

«...Ложусь дрыхнуть,— продолжал пассажир письмо к приятелю.— Мурка окончательно нахальна. Номер с одиночеством оставил. Пробую на высокий интеллект. Нашел слабое место, так сказать, познавательный интерес. Рассказываю ей про Америку, в которой сроду не был».

До Харькова в письме прибавились еще строки:

«Заладил с чертежницей дружбу. Перешел на чисто товарищеские отношения. В общем, побачим, как говорится, у Харькови».

В Харьков поезд пришел в полночь. Мужчина и молодая девушка вышли на перрон. Она в недоумении остановилась.

— Давайте страдать вместе! — сказал мужчина.— Поедем в гостиницу, а завтра попробуем насчет билетов.

И они поехали вместе, и, как это случается порой, в гостинице оказался только один свободный номер. Дальше пусть рассказывает сам автор письма:

«Ну, Джим, расскажу все по порядку. Приехали в Харьков. Ночь, дождь. Поезда — утром. Уговорил ее ехать в гостиницу. Спрашиваю для порядка две комнаты. Говорят, есть только одна. Красота! Поворачиваюсь к моей Мурке и говорю: «Ну-с, дорогой товарищ, хочешь, не хочешь,— придется провести нам ночь под одной кровлей». Она отвечает: «Откровенно говоря, меня это не устраивает». Тут я играю в благородство: «Товарищ коридорный, возьмите вещи этой гражданки, я поищу себе номер». Клюнуло, взяло за живое. «Нет, — говорит, — в конце концов, это глупо». И вот мы в одной комнате. Сначала разыгрываю обиженного, потом подсел поближе и завел волынку: одиночество, поиски родной души, любовь с первого взгляда. Намекаю довольно ясно: если бы найти родную душу,— женился бы хоть сейчас, не задумываясь. Лично я устроен вполне хорошо — и на работе и в смысле, так сказать, веса в общественности. Представь себе, молчит. Сажусь рядом, беру за руку, тут она запела: «Бросьте ваши пижонские штуки: дорожными приключениями не интересуюсь, хочу спать». Пробую поднажать на чувства — смеется. Обнял ее как бы шутя. Встала и говорит: «Слушайте, имейте в виду, я по метанию диска выхожу на второе место в Союзе и показывать мне свою силу не советую». Тут меня зло взяло. «Слушайте,— говорю,— я не шучу. О такой я всю жизнь мечтал, и давайте завтра же, по приезде на место, хоть в загс». Смеется: «Спасибо за честь». Ну, тут, думаю, без вина ничего не поделаешь. Тем более, времени мало: второй час ночи. «Вот что,— говорю,— пойду-ка вниз в ресторан, захвачу пирожных и винца». (Есть такой портвейн — проверенная штука, валит с ног). Молчит, сидит, ногой качает. Спускаюсь я вниз в ресторан, захватил, что полагается, возвращаюсь, открываю дверь — пусто, ни души. Кидаюсь вниз: говорят, ушла. Вот и весь мой роман. Вся надежда на Сочи. Ну пока... Пиши.

Твой Павлуша.

Да, кстати! Возьми у Юрки модный журнал, тот самый, что привезла из Риги Сусанна. На пляже без него как без рук».

На этом кончалось письмо к Джиму.

Что можно прибавить к этому образцу высококачественной прозы? Пожалуй, ничего. Однако считаем нужным сообщить, что девушка, отвергшая сиреневого Дон-Жуана, уходя оставила ему записку:

«Спать, видимо, не придется. Предпочитаю бодрствовать в одиночестве на вокзале. Желаю спокойной ночи».

Сиреневый Дон-Жуан прочел записку и сказал с глубокой обидой:

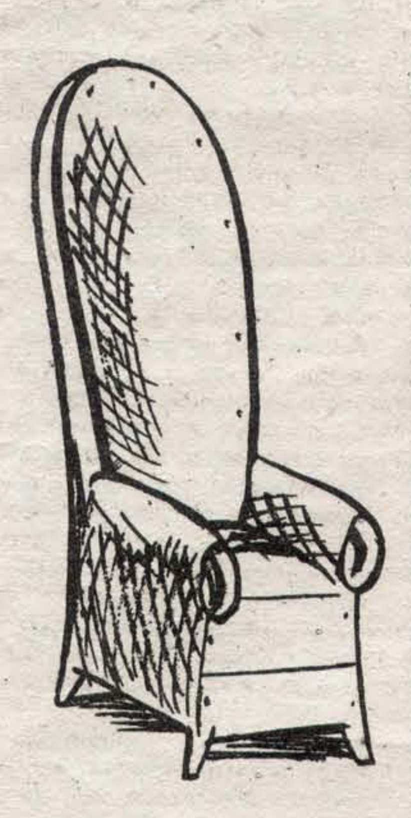
— Откуда такие берутся? Прямо циник.

Л. НИКУЛИН

ЛИЧНЫЙ СТОЛ

ВСЕМЕРНО РАСШИРЯЯ КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ, КРОКОДИЛ ОРГАНИЗУЕТ НАСТОЯЩЕЕ НОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ ВЫДАЧИ ХАРАКТЕРИСТИК И СПРАВОК О РАЗЛИЧНЫХ ЛИЦАХ.

КАК И ПОЛАГАЕТСЯ ХОРОШО ПОСТАВЛЕННОМУ ЛИЧНОМУ СТОЛУ, ОН ДАЕТ СВЕДЕНИЯ И ДАННЫЕ КАК ОТРИЦАТЕЛЬНОГО, ТАК И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА. РАВНО И ШАРЖИ, ПРИЛОЖЕННЫЕ К СПРАВКАМ, НОСЯТ ВЗИРАЯ НА ЛИЦА ЛИБО ДРУЖЕСКИЙ ЛИБО ВРАЖДЕБНЫЙ ХАРАКТЕР. КОРОЧЕ ГОВОРЯ, «ЛИЧНЫЙ СТОЛ» СЛУЖИТ ОДНОВРЕМЕННО И КРАСНОЙ И ЧЕРНОЙ ДОСКОЙ. НУ, А ЧИТАТЕЛЬ УЖЕ НЕ МАЛЕНЬКИЙ: ОН САМ РАЗБЕРЕТ, ЧТО К ЧЕМУ И ПОЧЕМУ.

Вольтеровское кресло — кресло, на котором когда-то сидел философ Вольтер. На изображенном здесь кресле обычно сидит несколько другой Вольтер— председатель Московского союза художников. На то обстоятельство, что кресло пустое,—не следует обращать внимания. Даже когда тов. Вольтер садится на него,—оно все равно остается пустым местом, в смысле руководства творческой жизнью московских художников.

Начальник почтовой связи Наркомсвязи тов. **Подгайский**. См. список заявлений в Бюро жалоб о недоставленных денежных переводах, письмах и посылках. Других подробностей о тов. Подгайском не знаем.

Директор московского завода «Серп и молот» тов. **Степанов**, который у себя на производстве не работает только серпом и молотом, зато выполняет все виды существующих в мире нагрузок и обязанностей. Руководит, планирует, нормирует, наблюдает, учит и приносит прибыль. Не выходя из своего круга обязанностей, умеет быть своим человеком и во всех заводских кружках: драматическом, музыкальном и литературном. Короче говоря, — не академик, не герой, не мореплаватель, не плотник, а настоящий советский директор, который и подает пример всем остальным.

Доктор Казаков имеет спорные достижения в области медицинской науки и бесспорные — в области борьбы с самокритикой.

Считая допустимым хранить в секрете от широкой научной общественности свои проблематические достижения, доктор Казаков с обворожительной откровенностью изгоняет из своего института тех научных работников, которые считают секретничество несовременным методом работы. Такой уже это откровенный доктор.

Вениамин Яковлевич Фурер, без всяких выборов собравший все голоса по Московской области. Кроме голосов собрал также и музыкантов и создал Театр народного творчества. Не будучи религиозным человеком, строго придерживается евангельского указания: не зарывать талант в землю. Наоборот, выкапывает всяческие таланты и дает им показаться на сцене.

Директор Граммпласттреста тов. **Соболев**, о котором в стране королей нефти, серебра или керосина сказали бы: король шипения и треска. Параллельно с ростом звукового кино изобрел немые пластинки, коими и снабжает население. Впрочем, некоторые из пластинок воспроизводят слова и музыку, что очень огорчает советскую общественность, так как лучше бы уж эти слова не слушать.

Осаф Литовский, начальник Главреперткома, ставит визы советским драматургам. Очень жаль, что некоторые из них, даже обладая визами, уезжают не очень далеко от собственных плохих пьес предыдущих сезонов.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ИЗ ОБЛАСТИ БЛАГОРОДНЫХ ЗРЕЛИЩ

Петуховладельцы, или антрепренеры, петушиных трупп, прибывающие в город Лилль (Франция) на петушиные бои, которые являются одним из любимых местных культурных развлечений. Вверху—афиши, радостно созывающие зрителей на созерцание птиц, вырывающих друг у друга когтями глаза и гребни.

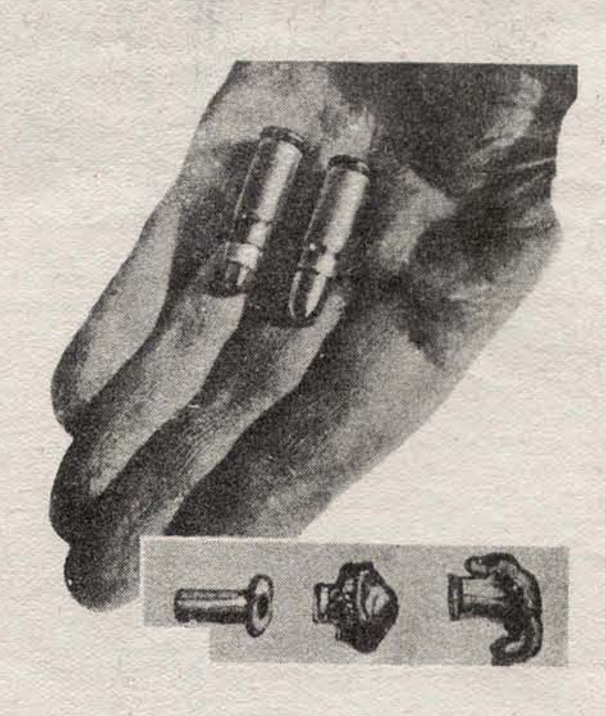

ЗАГАДОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Изваяние скульптора З. Ракитиной, названное «Подмосковная колхозница» и которое мы рекомендуем именовать «Венера, выходящая из пены морской». Думаем, что такое переименование удовлетворит и Венеру и подмосковных колхозниц. А что касается т. З. Ракитиной, — пусть не обижается: сама наваяла.

КОЕ-ЧТО СТАРОЕ В НОВОЙ ТЕХНИКЕ

Знаменитые разрывные пули «дум-дум», появившиеся во время итало-абиссинской войны и знаменующие собой, повидимому, моральное превосходство высокой европейской техники над отсталой техникой африканских стран.

Дорогой КРОКОДИЛ!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Дело касается чисто военной техники: в картине «Дубровский» Антип убивает помещика Троекурова из винтовки современного нам образца. Нельзя ли узнать фамилию гения, который сто лет тому назад изобрел трехлинейную винтовку образца 1891 г. Или это тайна постановщика, которую он никому не раскроет?

А. АНДРОНОВ

Ленинград

•

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Пишу тебе из вестибюля гостиницы «Большой Урал», сидя верхом на чемодане. Приехал в Свердловск в командировку, а номеров, конечно, нет. Половину комнат занимают делегаты какого-то с'езда, в другой половине живут постоянные жильцы. Последние устроились в гостинице недурно. Некий доктор Раик Л. И. (нервные и алкоголизм, прием от 5 до 7), живущий в «Большом Урале», кажется, третий год, даже принимает у себя в номере частных пациентов, о чем бесстыдно сообщается в об'явлениях «Уральского рабочего».

Так как ночевать мне негде, а спать очень хочется, я решил пуститься на хитрость. Сейчас иду к этому доктору Раику лечиться якобы от алкоголизма, притворюсь пьяным и засну у него в приемной. Часок, а то и полтора, может быть, удастся подремать.

Худо, ох, худо командировочным гражданам в городе Свердловске, дружище Крокодил!

Начальник снабжения строительства Глазовского льнокомбината.

Ф. ВОЛКОВ

г. Свердловск,
вестибюль «Большого Урала»

•

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Парторг Лысковского педтехникума неожиданно и строго запретил исполнение на студенческой вечеринке «Червяка» Мусоргского, об'явив вне закона поэта Беранже, которому принадлежат слова, и композитора Мусоргского. Беранже, пояснил свою мысль умный парторг, — мелкий буржуазный поэт, а Мусоргский писал до революции. Так как мы очень опасаемся за дальнейшую судьбу классиков в стенах нашего педтехникума, просим тебя поддержать нас опубликованием этого письма.

По поручению товарищей

Л. АНДРЕЕВ

г. Лысково,
Горьковский край.

•

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Долго упрашивали тов. Денисова в селе Большая Мурта (Красноярского края) выступить с докладом 8 марта.

Заведующий райфо тов. Денисов, член партии, слегка поколебался, выдержал приличествующую моменту паузу и... согласился. В докладе было столько пафосных слов об уважении к женщине, о ее прежнем бесправии, столько гнева против собственнического отношения мужа-самца к жене, что аудитория наградила своего Цицерона бурными аплодисментами.

Чем же закончилось это блестящее выступление по женскому вопросу? Прежде всего, упоенный успехом, докладчик напился, после этого он стал придираться к своей жене и на глазах еще не успевшей опомниться аудитории избил ее.

Разреши через твое посредство обратиться к соответствующим местным парторганизациям с большой просьбой возможно скорее выяснить свое отношение к похождениям этого Цицерона и сделать соответствующие оргвыводы.

Председатель райплана

В. ДОБРЫНИН

с. Большая Мурта.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

РЕДАКТОРА И МИЛЛИАРДЫ

В области пышных описаний некоторые газетчики трагически утеряли сравнительную степень и оперируют в возгласах и восторгах исключительно с превосходной степенью. Некое неведомое перо в № 12 газеты «Постройка» (Москва) сообщает о проекте новой больницы на Уралвагонстрое.

Конечно.

«Это будет лучшая больница в Европе».

Но бойкому перу, разоблачившему всю скудность больниц европейского материка, этого мало. Оно немедленно же сообщает и фактическую причину, почему рекламируемая им больница будет лучшей:

«Строительство новой больницы стоимостью в 19 миллиардов...»

Почему не проще и короче: один биллион ноль ноль сорок копеек?

На кого рассчитывает такое бойкое перо, швыряясь миллиардами? На читателя? Вряд ли. Очевидно, только на редактора, который увидит такую чудовищную цифру и побоится ее исправить.

— Правда, дорого, но зато как эффектно!

•

МАЛОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО — В МАССЫ!

Иллюстрация к роману Уэльса, изображающая первых марсиан на земле. Издана в Ленинграде в качестве репродукции с картины художника А. Лентулова и должна, очевидно, по замыслу издателей (ОМХ) и пропустившего ее Ленгорлита, изображать ленинградскую улицу. Мелкий индивидуум (справа), наспех заменивший ноги двумя палочками, а также остальные живые двуногие, смутно напоминающие людей, выполняют на массовой открытке общественнополезное задание: своим видом они подтверждают своевременность и актуальность вопроса о реализме в изобразительном искусстве.

•

СЕЛЬСКАЯ ИДИЛЛИЯ

В Рыбацком сельсовете, Пригородного района, Ленинградской области, стоит большой стол. Слева за столом сидит казначей, справа — счетовод. Разговаривать им по делу не хочется: чего зря волновать друг друга? И вот они избрали самый джентльменский и неутомительный способ общения друг с другом — полудружескую, полуделовую переписку.

При всей нашей корректности по отношению к чужой корреспонденции, мы все же решили опубликовать одно из писем двух соседей по столу:

Иван Алексеевич!

В кассе перерасход на 6 рублей — значит ты залез в государственный кошелек, категорически протестую по такой системы в дальнейшем.

Счетовод Григорьев

Письмо снабжено соответствующей государственной печатью. И правильно. Иначе трудно было бы поверить в такой грустный и маловероятный анекдот.

МАСТЕРА СМЕХА

Есть еще весельчаки на свете! Есть еще у них порох в пороховницах! Если, например, вы возьмете программу киселовского гортеатра, то на обороте ее вы всегда найдете что-нибудь, сразу наводящее вас на радужные, приятные мысли:

«Помните: не пожар страшен в театре, а паника. От пожара в театре гибнут единицы, а от паники сотни и тысячи...»

Если вы после этого не станете буйно веселиться и полной грудью вдыхать аромат жизни, возьмите программу ставропольского кинотеатра «Октябрь». Она вполне удовлетворит всякого весельчака, так как напечатана на завещательном распоряжении одной из местных сберкасс, начинающемся эпической фразой:

«В случае моей смерти...»

«В нашем городе, — говорит один из марктвэновских героев, — живут несколько странные люди, и я буду жениться в соседнем городке. Я боюсь, что в свадебное утро мне пришлют катафалк для поездки к моей будущей жене».

•

ПРИКАЗ № 299

«Предел есть хитрости, уму, лишь нет для глупости предела» — гласит персидская народная мудрость.

Фадеев, Зонов и Н. Иванов — ответственные работники Горьковского краевого финансового управления — внесли поправку в это изречение. Они издали приказ № 299. Этот приказ смело можно считать пределом головотяпства.

Приказом № 299 для инспекторов бюро жалоб краевого финансового управления установлена норма выработки — 15 жалоб на стол. Инспекторов перевели на прогрессивную сдельщину. За пять разобранных жалоб сверх нормы они получают 2 р. 50 к., за десять — пять целковых. И за каждую жалобу сверх десяти — 1 р. 50 коп.

После опубликования приказа инспекторы с энтузиазмом и даже с некоторым остервенением взялись за разбор жалоб. На недостаток сырья им обижаться не приходится, ибо вследствие быстроты разбора жалоб (коммерческий подход!), неминуемо возникают различные недоразумения, вызывающие приток свежих заявлений.

В результате получается довольно приятный «перпетуум мобиле», от которого страдают лишь жалобщики.

Но до последних-то авторам приказа № 299 как раз и нет никакого дела.

Рис. Ю. Ганфа

СРЕДИ ФАБРИКАНТОВ

—Имейте в виду, что для наших врагов у нас заготовлено достаточно оружия.
—Я знаю, что заготовлено, а продано оно уже им или еще нет?

ЭСКИМО

(Фантастическая история)

Это была еще молодая, но уже увядшая женщина.

— Вот все, что осталось от моего мужа, — сказала она и положила на стол мокрую рукопись.

— А кто был ваш муж?

— Плановый инженер. В одном из госстройтрестов.

— Фамилия?

— У него не было никакой фамилии. — Женщина закусила платок. — Я донашивала свою девичью. Когда мы пришли в загс, там нам сказали: «Ну, да!» и записали: «Плановый инженер по строительству». Не инженер и не плановик, а плановый инженер. Не такой плановый инженер, как это требуется теперь, а «инженер медового месяца революции», как говорил мой муж. Я знала, что это так кончится, — она подавила рыданье, — его составление планов!.. Он вскакивал по ночам и начинал разговаривать. Он вычислял, на каких постройках какие нужны рабочие: в Москве, в Тагиле, в Тифлисе, в Новосибирске. У треста были работы всюду. Я спрашивала: «Откуда ты можешь все это знать, живя на заднем дворе в Калошном переулке? Не лучше ли тебе туда с'ездить, в эти Тагилы?» «Нет, — отвечал он. — Это меня собьет. Это уж будет не план, а предвосхищение действительности».

Его специальностью было брать план с потолка, с наития. Угадывать! «Я им творю скелет, производственный скелет плана, а строители на местах обязаны будут его придерживаться».

Он бормотал: «Программа нашего треста 40 миллионов... средняя выработка в прошлом году была 17 руб. 42 коп. В этом году есть приказ повысить ее на 17%. Делю 40 миллионов на 17 руб. 42 коп., скидываю 17%, получаю 6942 рабочих. Из них: чернорабочих — 1248 и $^{7}/_{10}$, плотников — 1789 и $^{3}/_{10}$, бетонщиков...»

— Как это плотников 3 десятых? Плотники ведь живые люди?

— Да, разумеется, есть и живые. Мой муж также порой был живой, а теперь... а теперь он растаял.

«Я чувствую, что я таю! — повторял он. — Мне жарко! Я не могу дышать в условиях стахановского движения. Стахановцы или я! Мне душно!..»

Он рвал на себе одежду.

«Я не могу выносить этих норм, — стонал он, — которые не вытекают из проверенных столетиями законов урочного положения, ни из укрупненных измерителей, ни из моей фантазии».

С него лил пот.

Мой муж таял у меня на глазах как воск. Нет, как мороженое. Он таял как эскимо, у которого внутри палочка. Вчера я оставила его планирующим в кабинете. Когда я вернулась, в передней была вода.

— Муж!.. — закричала я. — Мой муж!

По воде плавала его логарифмическая линейка, я ее отнесла в магазин, продать — и вот эта рукопись. Прочтите ее, прочтите.

Она ушла, хватаясь руками за стены.

Вот один из отрывков рукописи.

Почерк был неразборчивый.

«Я говорю о тебе, строительное планирование, — писал этот несчастный.

Я был убежден, что для планового инженера важнее обладать только двумя секретами, вернее, одним из двух: или ничего не смыслить в строительстве или сбежать с него, убедившись в слабости нервов, в трусости как строителя, в вечной боязни аварии.

Я обладаю вторым секретом.

Последней моей постройкой было расширение фойе во втором этаже одного из театров. Я выдвигал фойе на колоннах.

Вы знаете, что такое железобетон с его фатальной зависимостью от капризов цемента? Бетон может окрепнуть через три дня, через семь, через месяц, даже совсем не окрепнуть. Нет, еще хуже! Он может окрепнуть настолько, чтоб выдержать самого себя, собственную нагрузку и потом провалиться вместе с людьми и мебелью.

Я строил и раньше. Но строил дома. Провал потолков я мог об'яснить резкой жилищной склокой.

Но вид провалившегося фойе, эта смесь из обветренных бутербродов и еще свежих зрителей, мысль о ней разрушила мои нервы.

Я перестал спать по ночам, я носил в портфеле зубную щетку и хлородонт, чтобы быть в любую минуту готовым к аресту.

Фойе осталось стоять, но я был конченый человек и перешел в плановый отдел треста. Там я нашел себя. Я стал творцом и художником.

Семь лет я заставлял извиваться по моим планам строителей в Москве, в Тагиле, в Тифлисе, в Новосибирске, набрасывая для них пути, которые рождало мое вдохновение. Как исполинский паук я рассылал им из центра выдуманные мной нормы выработки, расхода рабочей силы, совзнаков и материалов, слагая их из абстракции, подштопанного урочного положения и данных отдела механизации, где люди при одном взгляде на фотографию отличали бетономешалку от экскаватора, транспортер от лебедки.

Строители подсылали ко мне людей со своими местными стройфинпланами, со ссылками на реальность и на достигнутые рекорды, но люди возвращались обратно разбитыми.

Но теперь все кончено.

Рекордистов чересчур много. Их тьма! Их называют стахановцами.

Стахановцы заполняют все.

Они опрокидывают нормы, которые хрустят и ломаются под их шагами.

На основании тех норм, которые они вырабатывают собственным опытом...

Боже, что это?

Ах, ах... я растаял...»

На рукописи — ни фамилии, ни адреса. Бедняга!

Трагический осколок недавнего прошлого.

А скоро таких совсем не будет.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

— Ты не знаешь драматурга Шуйского?
— Знаю.
— А какие у него пьесы?
— Не знаю. Но я неоднократно читал его выступления.

ИЗ ОПЫТА СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

Угроза надвигалась с фронта озеленения города Новороссийска. И тов. Хачатурьян не мог дремать. Ни как гражданин упомянутого города, ни как секретарь парткома горжилсоюза.

Мы лишены возможности, по причине отсутствия соответствующей информации, описать его безусловно примечательную наружность. Одно ясно: он весь как божия гроза. И как таковая, обладает всеми присущими ей качествами: а) быстротой, б) решительностью, в) неожиданностью действий, г) непреклонностью и д) беспощадностью.

Смешно требовать от грозы воспитательной работы среди поражаемого ею населения. Гроза настигает зазевавшегося поселянина или горожанина и убивает его молнией на месте.

Исключительно в целях подтверждения этих грозовых свойств характера бравого товарища Хачатурьяна приводим полностью леденящий душу документ, полученный членами вверенной ему первичной парторганизации в первых числах февраля с. г.

«Профорганизации системы жилсоюза.

Тов. МУРКИС

Партийный комитет горжилсоюза предлагает:

Ежедневно созывать заседания групкома для заслушивания в отдельности каждого председателя жакта по проведению боевой кампании по озеленению города.

О преджактах, которые не являются или не выполняют и не проводят в жизнь кампанию по озеленению города, ставить вопрос об исключении их из членов союза, считая действие как саботаж и срыв кампании.

Групком должен заседать ежедневно с 6 до 12 часов ночи без перерыва, начиная со 2/II с. г. до конца работы по озеленению города.

В случае срыва заседания групкома и непредставления сводок в партком горжилсоюза сейчас же ставится вопрос об исключении вас из рядов ВКП(б)».

На подлинном собственной секретаря парткома рукой подписано

ХАЧАТУРЬЯН.

Тов. Хачатурьян сделал все, что мог. На полутора десятках строк своего произведения он сумел мастерски уложить основные образцовые проявления всех наиболее примелькавшихся непартийных методов партработы, как-то: 1) подмену парткомом хозяйственного руководства; 2) возложение на профорганизацию несвойственных ей задач; 3) рекомендацию неслыханного администрирования как в отношении председателей жактов, так и регламента работы групкома; 4) угрозу исключить из партии в случае неакуратного созыва групкома и непредставления парткому хозяйственных сводок.

Партийная организация г. Новороссийска не раз показала высокие образцы примеров борьбы со стихийными бедствиями: с нордостами, со штормами, с наводнениями и т. д. Надо полагать, что и такое безусловно стихийное бедствие, как тов. Хачатурьян, она сможет вовремя локализовать и обезвредить. Тем более...

Тем более, что нордост с работы снять нельзя, а Хачатурьяна — можно.

Л. ЛАГИН

ВМЕСТО ОТЧЕТА О ВЕСЕННИХ ВЫСТАВКАХ

ИЛИ БЕГЛАЯ ПРОГУЛКА ПО ПЫШНЫМ САДАМ ПОСЛЕДНИХ ОБРАЗЦОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ф. БОГОРОДСКИЙ „СЕСТРЕНКА"

А. ТЫШЛЕР „ЦЫГАНКА МАША"

КАЦМАН „НЕ МОЯ СЕМЬЯ"

ШУХАЕВ „ЖенШИНА"

ФОНВИЗИН „БАЛЕРИНА"

ПИС. ВАС. ЯКОВЛЕВ „ПАРАШЮТИСТКА"

Рассматривая помещенные здесь тихие шедевры некоторых мастеров кисти, читатель вправе утверждать, что между оригиналами, буйно промелькнувшими на последних выставках, и их передачей на наших рисунках есть некоторая, правда, не всегда существенная, разница. Мы учитываем эти неточности художников КУКРЫНИКСЫ, но утверждаем, что в общем и целом они добросовестно и трудолюбиво передали весь явный и тайный смысл, а также и внешнее оформление картин некоторых мастеров кисти.

Рис. Кукрыниксы

ПЕРЕВЫБОРЫ В КООПЕРАЦИИ

Рис. М. Черемных

— Не понимаю, почему я провалился на выборах? В сельсовете были за меня, секретарь комсомола — за меня, профсоюзники — за меня, в ячейке Осоавиахима — тоже за меня. Кто же был против? Одни только пайщики!!.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ. Редколлегия: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-05-49; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена 1 р. 20 к. в месяц ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"
Москва. Изд. № 379 Сдача текста и рисунков 31/III—36 г. Подп. к печати 4/IV—36 г. Статформат 72×108. 1/8 печ. л. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120000
Уполномоч. Главлита Б—21582 Типография газ. „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 668 Тираж 206.000